

Ты хотела бы знать, что её получили.
Чингиз-хан.

ПЕТР БРАНДТ.
МОНГОЛИЯ

Пролог

МОЛИТВА
(Полифония. I голос. Моновариант)

Апрель, блуд, колокольная вьюсь
И кони пущены в рывь
Помолись за меня
Помолись за меня
Помолись
помолись
помолись...

Знаком тебе топот этих копыт,
Знакома ль походка коня
Помолись за меня
Помолись за меня
Помолись
помолись
за меня.

Мой первый грех - в том, что я рожден,
И рожден, как все - во грехе,
А второй - что холодный и крепкий меч
Застыл у меня в руке.

А третий - в том, что руки твои
На нее моей свелись
Помолись за меня
Помолись за меня
Помолись
помолись
помолись...

К утру запоют, закричат обо мне
Пустое седло и обрез
Помолись.
Да родится молитва в огне,
Да коснется молитва небес.

На звоннице - деньги! деньги!
У дороги белая кость...
Отчего ты так бледен сегодня
Мой неожиданный гость?

Как мучительны эти встречи,
Как бесплоден холодный зов.
Ах, зачем же ты, зимний ветер,
Так стучишься в мое окно...

Знать и мне расплата настала,
Отголоском русской беды
По щекам меня отхлестала
Тетива Золотой Орды.

1970

Клятва Бату-Хана

Он прижал зеленый платок
К седлу своего коня -
Бог впереди, языческий бог,
Бог войны и огня.

Он не спешит со словом своим.
Черное войско Орды
В полном безмолвье стоит перед ним,
Плотно сдвинув ряды.

Еще сердце под царским плащом
Бьется, будто сейчас
Посыпятся звезды легким дождем
Из черных склоненных глаз.

Войско застыло в паузе, идя
На легких монгольских конях,
Словно вождя, волью вождя,
Поднявшись на стременах.

- Я пойду на Запад так далеко,
Как только видят глаза,
И ступит копыта коня моего.
Так велят небеса.

И он повернулся спиной к полкам
И долго смотрел вперед,
И мальчику виделся новый стан
В долине прохладных вод.

- И будет концом моего пути
Великий город Сарай
Волны далекой реки Итиль
И древний славянский край.

VIII

И опять улетаю в степи Монголии
Звездов в Млечном пути
Звенит колокольчик, стрекозены кони
И уже далеко впереди.

Мой тяжкий бред назывчив и стар.
Я издавно в кружеце строф
И в золотисто-алой заре искал
Тень азиатских патров.

Тяжелое время странной любви.
Пролетевший в степи верхом,
Низверг и дышит в моей крови
Холодным и злым стихом.

1942 г.

НАШЕСТИЕ

(Полифония. Моновариант)

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,
давно
позабыта...

В глубокой долине сибирской реки
С верховий до самого низа
Идут полукругом густые полки
Наследника хана Чингиза.
Земля, не окончив дневной поворот,
Споткнулась под ним
и легла на живот.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,
давно
позабыта...

Под ханским копытом Ирак и Багдад,
Ступив в горда халифата,
Язычник услышал название - "Джихад"
Священных боев Шариата.
Коран не коснулся чела дикаря,
Но имя войны
подошло
для коня.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,
давно
позабыта...

На золоте сбруи рубиновый глаз
Венчает убранство граната,
А в самой вершине граненый алмаз
На сорок четыре карата.
Оленым ремнем перетянут крестец,
Арабская кровь -
вороною жребец.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта.
Уже позабыта дорога назад,
Давно,

давно
позабыта...

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,

давно
позабыта...

Ты - идущий в окатой птицей
В этой хицной затее,
Ты - сумевший не усомниться
В безумной

своей
идее

Ты - впереди увидавший звезду,
Да будет тебе однажды
Разрешено

на земли врахни

Набросить

свою

узду.

V

Моя жизнь откровенно пошла на лад,
Так сходит на нет волна.
По законам "голодных" я виноват
И отвечу теперь сполна.

Октябрь вернул мне стих и мираж
Отставших от стак птиц
И порченой крови пустую блажь
В зеркале встречных лиц.

Только бы не увидеть в толпе,
Пустившись в ночной разгул,
Черного платта на голове
И холодных татарских скуж.

Упаси меня, господи, от беды,
От любви чахоточных век,
Только бы дотянуть до зимы
И в снег,
в снег,
в снег!

1970

VI

Полифония. I голос.

(моновариант)

Кони ревут и от крови и пота
Рвут щетинясь поводья,
Нет, не будет сегодня охоты,
Нет по весне поводья.

И не удастся сурьмой и сапфиром
Наполнить тугие карманы
Или богатую сбровь эмира
Сорвать с неребца басурмана.

Хитрый монгол, склоняясь за осокой,
Заметит нас глазом лисьим,
Когда пробежится в траве высокой
Легкой арабской рысь.

Бранное дело- лихая забота,
Рвутся уздечки казачьи,
Нет, не будет сегодня охоты,
Не будет сегодня удачи.

И иные, когда пересекли реки
И земли в степи задрожала,
Восток поклонился далекой Мекке,
Мы - шиту и кинжалу.

III

Мартовский снег

Заблудился и умер слепой человек
В подъездах сырых и глубоких.
Мартовский снег, мартовский снег -
Белая пыль одиноких.

Где же твой сумений -
смуглый грек
И моя чингиз-ханова дочь,
Белое кружево - мартовский снег -
Покрывало нам в эту ночь.

Эту песенку выучи наизусть
И тверди ее по ночам.
Последняя стужа - снежная грусть,
Последний взгляд палача.

1971

IX

Я каждый вечер снова болен,
Я каждой ночью несусь за ней.
Разбейся, рассынься же в чистом поле
Светлая тройка моих коней.

Хорошо
И будет во веки веков отныне
Пронзят крест над моей головой.
Молись же,
разбойное сердце пустыни,
молись
о возвращении домой.

1973

VII

Н.Лебле

Благословенны травы,
Новые в унисон
Стары стальным хоралам,
Благословенный сон.

Не потому ли так странен
Крик ночных поездов
И крики ворон над крышами
Северных городов.

Силен твой путь и стелется
Солен след твоих слез,
Все пройдет, перемелется
Пыль из-под колес...

Весной, в голубых проталинах,
Светись, мой ангел, ясней
Роспись на развалинах
Православных церквей.

1970

—
Х

ТАТАРСКИЙ ТРИПТИХ

(1941-1942г.)

Посвящение

Быстрой чен бекит Архар
По крутым отрогам Саян,
Чем в камнях Алла-Тао
И ночь, летит его тень.
Чем легкой рысь волны
По стени прошли табуны, —
Огни монголо-татар
Уносят села славян.

день

Чтоб из края Диан-Наэри
Принесла пустынная игла,
Чтобы в хилах этой земли
Азиатская кровь текла,

Чтоб славянский страх, что уснул
В чуть раскосых глазах твоих,
Точным рисунком скуч
Превратился в сиротский крик,

Чтоб однажды, встретившись нам
На распутьи двух дорог,
Уйти по своим сторонам —
на Запад и на Восток.

— I картина. Витязь на распутье.

А ну-ка, Витязь, выбирай
Из трех дорог одну -
Мой путь
на Караван-Сарай
Мой путь
на Караван-Сарай,
Мой путь
на Караван-Сарай,
В Казань мой путь,
в Орду.

Твой конь корич, в нем кровь войны,
И наг его упруг,
И зени крепкие видны
Из-под тугих подпруг.

Веселый звон его подков
Бодрят любов рать,
Но аравийских перебцов
Ему не обскакать.

Твой меч - булат, сдва ль один
Сравнится с ним, сдва ль,
Но он в Европе генродин,
А там - кривая сталь.

Казань такого не простит,
Не вырастет трава
В том месте, где тебя казнит
Слепая татарва.

Подумай, витязь, не чай
Неверную судьбу...
Мой путь
на Караван-Сарай
Мой путь
на Караван-Сарай,
Мой путь
на Караван-Сарай,
В Казань мой путь,
в Орду.

II картина. Перед боем

Взяв на копьё змениный флаг,
Татарский вождь, косой воитель,
Принесла перст - старинный знак
Готовности к кровопролитью.

Орда рассыпалась кольцом.
Свирепый царь косого племя
Был неподвижен и лицом
Похож на загнанного зверя.

Но смуглая рука бойца,
Давно привыкшая к металлу,
Вдруг на глазах затрепетала
В слепом предчувствии конца.

Ему теперь не уберечь,
Не сохранить венца и славы,
Не этот ли кровавый меч
Мне иначе послан для расправы?

Не этот ли съяненный бой
Моё растерзанное царство
Благословляет на коварство,
Благославляет на разбой.

Держись, монгол, в такую чокку
Ты от меня не спрячешь токку,
Я замкну тебе канки
Кровами подгребием твоими.

Орды рассыпалась кольцом.
Свирепый царь косого рода
Был твёрд пред каменным смычком
И волей своего народа.

III картина - центральна

Смерть хана Ху-ху-ху

Неверной крови басурмана
Не остановится поток,
Ху-ку-ху не считает раны
Ху-ку-ху смотрит на Восток.

Нет страха на лице азийца.
Холодной стратио воины
И твердой волей убийм
Его глаза напоим.

Не чувствуя, что час явился
Ему последний на земле,
Взгляд старика остановился,
Упал на щит и замкнулся
Чеканкой на серебре.

- Не думай, что сгубив жестокое
Моих людей, моих коней,
Ты рассчитаешься с Востоком -
Великой родиной моей.

Холодный взгляд татарской девы
Да будет долгие века
Преследовать твои пределы
И мстить за гибель старика.

И горе тем, кому приснится
Всё сие, летящая во след
Языческая колесница
Далекий призрак давних времен.

ТУМАН

Эпилог

(Полифония. Моновариант)

Выступают капли дождя,
Выступают пустоту -
Не спать, не спать, не спать по ночам,
А только плакать в темноту.

Налево глянешь - туман, туман,
Направо - туман, туман,
Налево - исакиевский крест,
Направо - Троицкий храм.

Налево глянешь - два фонаря
И мостик через канал,
Большая Подъяческая моя -
Веселый цыганский квартал.

Здесь, однажды, легким иенастью
Первых октябряских стуж
Мне улыбнулось случайное счастье
Из черных осенних луж.

Где-то запел, закричал на рассвете
Пьяный старик - Цыган,
Налево глянешь - туман, туман,
Направо - туман, туман

Налево глянешь - туман, туман,
Направо - туман, туман,
Налево - исакиевский крест,
Направо - Троицкий храм.

Словно сироты, стояли вдвоею
У полуразрушенных стен
Я

и старый брошенный дом -
Прядильный переулок, семь.

"Отчего ты боишься войти, не трусь?
Я не здесь и уже не вернусь."

"Не знаю,"
но почему-то боюсь,

Почему-то
погану-го боясь.

B O P H

Х И Г У Л И

Пьяные от зари до зари
Гудят на Владимирской "Хигули"
И плачутся в пиве которые бутки
Воры, мошенники, проститутки
И славят с радостью и тоской
Больний свой промысел воровской.
Господи!

Мне ли быть им в укор?
Я, сын ленинградских дворов,
Я совершенно случайно не вор,
И поэтому за воров.
Я люблю въезжать новоселом
Под мост, как залетный стриж,
И люблю хоровод веселых
Беспутных московских крыши.
Я люблю поймать на перроне
Назло уходящему дню
В случайному почтовом вагоне
Гулящую девку. Люблю
Огонь трехнедельной пьянки
В ее бесстыдных очах
И сифилисное дыхание
Остывшее на плечах.

1972

О Б Л А В А

Послушно приказу рука капитана
Скинает холодную ручку нагана.
Застыл в напряжении оперотряд
И голубой милицейский ряд.

В лужах погасло их отраженье,
Одно неуверенное движенье -
И все подворотни, в которых рывт,
Нам похоронив заповт.

И в переулке, как в горной лощине,
Стены отвесили на террасе
Хриплым эхом последней агонии
Погоня!

Погоня!

Погоня!

1942г

И король замусоленных стек,
Добрый гость проходных дворов.
Раскрутись
желтым
ветром невских занеев,
Эхон никольских колоколов.

Забирайте все золото мира,
Мне оставьте стих и разбег,
Переулочек, рубль двадцать четыре
И колечий январский снег.

1940г

ПРИГОВОР

Черный вечер субботний,
Темно в глубине двора,
Только с ночной подворотней
Сравнятся глаза вора.

Только с опасной бритвой
Сравнится легкий прищур
- Не моли меня... не стели травой,
не прощу.

1972

ЛЮБОВЬ

Утром ветер по подворотням,
Утром смилили,
в полдень отняли,
А ночь забрался вор на забор,
Чтобы запить позор.

"Где же ты, певчая, где ж ты, пропаща,
Где мне тебя искать?
Где мне теперь сумасшедшее
Губы твои целовать?"
Некому, кроме беспутной ночи,
Слезы прикрыть сироте.
"Дай мне увидеть разочек
Глаза твои,
Глаза в темноте!"

1973

На смерть проститутки

Что тебя, что тебя гнало
В эту холодную ночь
По площадям и вокзалам
От нашего дома прочь?

У куста голубой сирени
В Преображенском саду
Неслышно легки колени
На каменину плиту.

Но первый же луч сватила,
Попав на церковный двор,
Принес уставшему телу
Безжалостный приговор.

И когда, перестав молиться,
Ты тихо пошла домой,
Поднял свою десницу
Бронзовый ангел мой.

1971

Я больше не верю случайному счастью
Этой веселой округи
В легких браслетах на крепких запястиях
Золотовласой подруги.

Уже перечеркнуты целые строфы
Случайно сорвавшейся фразой.
В последнем предчувствии катастрофы.
Я верю тебе, -
Черноглазый!

1945 г.

Танько

Где же ты, бич толпы городской -
Банда поселка Затока?
Несется вдоль берега след воровской
И тонет в струе водостока.

Благословит же ная вольный кров
На зло полицейскому глазу
Надменный каприз королевы воров,
Вихрастой хеяйки Бугаза.

1973

Все перепето отсель досель,
Чего же больше хотеться?
Плачет, плачет моя карусель -
Видно, недолго вреться.

Дворник вслед оглянулся украдкой -
Значит еще не привык
К старой моей вороватой повадке
Прятаться в воротник.

Ленкой рукой хулиган оставляет
Надпись на бересте:
"Скоро,
скоро меня поймают
И разорвут на кресте!"

1973

РАЗНЫЕ СТИХИ

Мой голос не так уж чист, чтобы петь,
Но в горле застыла вольная
Песня — так застывает медь
На башне седой колокольни...
Но когда я, словно старый звонарь,
Однажды встану на дыбы,
Моя песня несется как пьяная тварь,
Как зов иерихонской трубы.

1970

Моё имя и в радость и в горе
Едва ль помянет молва,
Напишет его на заборе
Как матерные слова.

И пускай косоглазому нищему
Или просто прохожей рвани
Встречный ветер его просвищет
Как тяжелую злую брань.

И когда злорадно и больно
У них искривятся рты,
Будут петь мне заупокойную
Твои пляшущие каблуки.

1971

Квадратная комната на Равнинной
В ночной петербургской глухи
Бьется любовь последней надеждой
Спасенья
души

Давно остывшая папироса
В углу холодного рта
два взгляда, два ясных, как два вопроса
И третий короткий - "Да".

1972

Память скучных созвучий
На улицах Ленинграда -
Певец единственной ночи,
Единственного взгляда,
Единственного мгновения
Сестрого, юдного, игучего
Ночной петербургский гений -
Память скучных созвучий.

1972

Дождь, переполнен ночной ресторан -
Приют бродячего сброва,

Стучат,
стучат,

стучат по вискам
Песни прошедшего года...

Прощай, мой любимый Московский вокзал,
Твой старый уличный гость
Уже не вернется:

Уже пропал...
Дождь в городе, дождь.

1972

Ты не станешь искать на вокзальном перроне
След потерянный мной,
Я всегда был судьбе твоей посторонний,
А теперь подавно

чукой.

Я пройду мимо жизни твоей, как ветер,
Незвестно откуда сорвавшийся,
Незвестно откуда сюда занесенный
И так же изгнанье

пропавший.

1975

Город, знакомый от края до края,
От края до края мой.
Я не то что бы тебя обнимал,
А только касавель рукой.

Я не то что бы сразу тебе поверил,
Но только увидев меня,
Споткнулись четыре матерых зверя,
Четыре чугунных коня.

И воздух наполнил звенящим металлом,
Гороховой дробью подковы,
Прошла кавалькада по старым кварталам
Кавалерийских полков.

Прошла и рассыпалась легкой крупицей
По сумрачным мостовым -
Воротись,
 воротись,
 воротись, возница!

Воротись,
 воротись
 к своим.

1973

В вашем городе все мне давно не ново,
Переулочек крив и горбат.
Но откуда такое нелепое слово,
Азиатское имя - Арбат.

В этом месте решил перечеркнуть
Русский город ханский клинок,
В этом месте старинный ордынский путь
Пересек Москву
поперек.

Если вновь привела меня нить веромы
В этот страшный пустой закуток,
Значит снова велит мне десница судьбы
Повернуть глаза
на Восток.

Эта тень мне знакома, давно уж кручится
Надо мной аркан татарин.
Только здесь, только здесь вы могли родиться,
Только в этом месте Москвы.

1974

ПРОВАРИЕ

Первый снежный день,
Первый зимний испуг
В легком движеньи колен,
В легком трепете рук.

Робим прощаньем ресниц
Тихо сводящим с ума
Блогословится,
 благословится,
 благословится зина.

1972

Я варвар, я германец, символиста
Моя невинная природа
Все требует и требует свободы,
Все время идет и ищет естества.

В ночь зимнюю февральскую глухую
Меня искала снежная метель
На дикую пустую мостовую -
В холодную и хищную постель.

Я плакал, вспоминая в дни разлуки
Тугой изгиб упругого бедра
И судорожно ласковые руки
Распутницы соседского двора.

Не дай оставаться сне пустым, нетрезвым
Вчерашним днем;
Мой бог, живущий в четырех подъездах,
Под фонарем.

1973

Город гудит и меня провожает
Куда? -

Неизвестно куда...
Прекрасный, мой хранитель, я уезжаю
И теперь уже
навсегда.

Я был не лучший тобой хранимый,
В безверии и растленье.
Я был у тебя не самый любимый,
Но я у тебя
последний.

1974

ИЗ ЦИКЛА
"ХУДОЖНИКИ"

Владимиру Слынанскому

Господь простит прегрешенья,
Но не простит бесплодия
Рожденному в кровосмешенье
Еврейско-циганский мелодий.

В таком созвучии крови
Издревле печать таланта
Метались черные брови
И легкая стать музыканта.

И если испуганной птицей
Уиссится инязь в поднебесье,
Почему ж, не успев родиться,
На устах оставают песани?

1973

✓
К. Кузьминскому

Не правота, а только приближение,
Напрасный пот, бесплодная страда,
Бессмыслическое жертвоприношение -
Великая трагедия труда.

^{Нбнс}
И никогда, ни ^ини, ни в грядущем
Не прикоснется смертная рука
К дымящемуся лезвию созвучий -
Священному секрету языка.

1973

К. Захаровой

Понадобился пьяный балаган
Для полугодового разгула,
Чтобы меня весной, как на заклан,
В трехкрылые мансарды потянуло.

Быть с певчей стаей одного родаства,
Руков высшего благословенья
Нести в себе приметы божества,
Неведомую силу
исцеленья.

1973

Как безнадежно нынче метёт
Снежная пыль дорожная,
И что-то тревожно шепчет и идет
И знает, что невозможно.

Коль певчим такие судьбы даны,
Пожми мне, Господи, впрок
Мою пустоту — четыре стены,
Пол
и потолок.

1974

Лене.
и вар Т

ДИТИХ

I

Учитель не знал названья
Нового откровенья,
Не знал его начертанья,
Не ведал обозначенья.

У ветхой бамбуковой кровли
Старый китаец Дао
Написал на песке иероглиф,
А потом назвал его "Дао".

1973

ИЗ ЦИКЛА
"УРОКИ КОЛДОВСТВА"

(из раздела
„разные сохи“)

Савонарола

Полифония. I голос. (моновариант)

Ave Maria gracia plena Dominus tecum.
Benedicte tu in misericordia et benedictus...
Так начиналась полуденная литургия
Во флорентийском центральном соборе Святого Лоренцо.

К небу поднявши ладонь, есения последним
Строгим латинским крестом голубые карнизы,
Тихо взошел на костер молодой проповедник
В рубище черном суревом монашеской ризы.

В зареве чуть обозначилась тень от распятия
На голубых куполах городского костела,
Высветив грозным упреком людскому проклятью
Имя монаха - "Джироламо Савонарола".

Где мы встречались - у факельных стен Ватикана,
Или у самого Ада - у врат в преисподне,
Или у темной воды берегов Иордана,
В древней земле Палестины у Гроба Господня.

Так начинался в холодной московской квартире
Тяжкий испуг однокой рождественской ночи..

Ave Maria gracia plena Dominus tecum.
Benedicte tu in misericordia et benedictus...

1942.

ЯНКА

Мелко бусы рассыпала Янка
По утру в серебристые росы,
Воронит на траве сербника,
Распустив вороненые косы.

Воронит на колоде нарядной
— Если мучит трофовая края —
Позабудь про нее, ненаглядный,
Помни карту в Креценском канале.

Потому на роду наречено —
Этим именем путь твой отмечен,
Потому что ты с ней обручены,
Потому что ты с нею обвенчан,

Потому на дороге казанской,
Высирая свой крестьянский дворовый,
Ты всю жизнь проживешь по-цигански
И умрешь под телегой патровой.

1974